

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 55–60

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 55–60

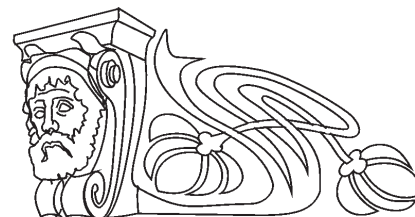
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60>, EDN: NPIXAN

Научная статья

УДК 303.621.322

Трудности измерения социально-демографических показателей в массовых телефонных опросах

А. В. Ходыкин

Самарский государственный экономический университет, Россия, 443090, г. Самара, ул. Советской армии, д. 141

Ходыкин Александр Владимирович, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии и психологии, a.khodykin@socio-fond.com, <https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Аннотация. Анкеты массовых телефонных опросов включают в себя социально-демографический блок, состоящий, как правило, из стандартных вопросов про пол, возраст, уровень доходов, регион проживания, тип населённого пункта, род занятий, уровень образования и т.д. Основная часть этих вопросов разработана многие годы назад и нерелексивно используется от опроса к опросу исследователями, полагающими, что эти проверенные временем вопросы продолжают эффективно работать. Однако представленный здесь методический анализ показывает, что применение большинства из них сопряжено со значительными проблемами, и удовлетворительного решения многих из них найти пока не удаётся. В статье проанализированы проблемы измерения уровня доходов, рода занятий, региона проживания респондента, типа населённого пункта и уровня образования. Предложены решения некоторых из этих проблем, осуществлённые в опросах Фонда социальных исследований (Самара). При этом автор приходит к выводу, что основную часть трудностей ещё предстоит преодолеть.

Ключевые слова: телефонные опросы, уровень доходов, род занятий, регион проживания, тип населённого пункта, уровень образования, социально-демографический блок, анкета

Для цитирования: Ходыкин А. В. Трудности измерения социально-демографических показателей в массовых телефонных опросах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 55–60. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60>, EDN: NPIXAN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The difficulties in measuring socio-demographic indicators in mass telephone surveys

A. V. Khodykin

Samara State University of Economics, 141 Sovetskoi Armii St., Samara 443090, Russia

Alexander V. Khodykin, a.khodykin@socio-fond.com, <https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Abstract. The questionnaires of mass telephone surveys include a socio-demographic block, consisting, as a rule, of standard questions about gender, age, income level, region of residence, type of settlement, occupation, level of education, etc. Most of these questions were developed many years ago and are used non-reflexively from a survey to a survey by the researchers who believe that these time-tested questions continue to work effectively. However, the methodological analysis presented here shows that the application of most of them is fraught with significant problems, and a satisfactory solution to many of them has not yet been found. The article analyzes the problems of measuring the income level, occupation, the region of residence of the respondents, the type of settlement and level of education. The solutions to some of these problems were proposed and implemented in the surveys by the Social Research Institute (Samara). At the same time, most of the difficulties have yet to be overcome.

Keywords: telephone surveys, income level, occupation, region of residence, type of settlement, level of education, socio-demographic block, questionnaire

For citation: Khodykin A. V. The difficulties in measuring socio-demographic indicators in mass telephone surveys. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 55–60 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-55-60>, EDN: NPIXAN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Массовые опросы, как социологические, так и маркетинговые, в обязательном порядке содержат социально-демографический блок, т.е.

блок вопросов о самом респонденте, позволяющих описать его социально-демографический профиль. В зависимости от темы опроса набор

вопросов этого блока различен, но обычно он состоит из вопросов про пол, возраст, уровень доходов, регион проживания, тип населённого пункта, род занятий и уровень образования. Реже задаются вопросы про семейное положение, количество детей, профессию и т.д. Как правило, социально-демографический блок почти в неизменном стандартном виде переходит от опроса к опросу и не проблематизируется исследователями, считающими, что работающие годами вопросы наиболее надёжны и в наименьшей степени требуют социологической рефлексии. Кроме того, необходимость сравнивать результаты мониторинговых опросов различных волн и выявлять динамику изменений общественного мнения также способствует нежеланию исследователей изменять опросные формулировки. Однако социальные изменения последних полутора десятков лет в сочетании с массовым распространением телефонных опросов, всё более вытесняющих методы face-to-face, делают ряд социально-демографических признаков трудно измеримыми, а вопросные формы – требующими совершенствования. Если измерение пола и возраста остаётся непроблематичным, то остальные признаки ставят перед полстерами сложные методические вопросы. Последовательно проанализируем их в данной статье на примере каждого из измеряемых признаков, используя опыт самарского Фонда социальных исследований (ФСИ), опросы которого проводятся при участии автора этих строк.

Уровень доходов. Его измерение сопряжено с двумя основными проблемами. Во-первых, доходы не всегда связаны с материальным достатком, для измерения которого нужно знать не только доходы, но и расходы респондентов – на связи этих двух параметров базируется принятое в российской социологии различие бедных «по доходам» и «по лишениям»: человек может иметь относительно высокий заработок, однако наличие большого числа иждивенцев, необходимости затрат на лечение или близких родственников с зависимостями способно нивелировать финансовые успехи респондента, не позволяя ему вырваться из бедности [1]. Во-вторых, вопросы о заработках часто сенситивны, поскольку вызывают опасения у респондентов и связаны с их социальным положением [2].

Сейчас уровень доходов измеряется тремя основными способами, и все они проблематичны. Первый способ – вопрос о потребительском

статусе: на что человеку хватает денег, а на что нет. Самая распространённая его вопросная форма такова (в таком виде он задавался и в опросах ФСИ):

Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению Вашей семьи?

- 1) денег не хватает даже на питание;
- 2) на питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви;
- 3) на покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники;
- 4) денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину;
- 5) денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом;
- 6) материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом;
- 98) затрудняюсь ответить (не зачитывается респонденту);
- 99) отказ (не зачитывается респонденту).

Такой вопросной формы придерживается ФОМ, до недавнего времени его использовали ВЦИОМ и ФСИ. Преимущества такого вопроса: низкая сенситивность и возможность измерять доходы в сочетании с расходами. Недостатки: большая длина вопроса (в среднем 66,7 сек., т.е. больше минуты при длине анкеты в 12 мин. по данным опроса: телефонный опрос (САТИ), N = 1600, РФ, март 2023), сложность для восприятия на слух и несовпадение реальных затрат респондентов с затратами, предполагающимися в вопросе. Прослушивание интервью опросов ФСИ выявило такие ответы респондентов: *мне на одежду, на питание хватает – на лекарства не хватает, лекарства очень дорогие, вот проблема; да, нормально живём – вроде на всё хватает; да, на квартиру хватает, у меня своя квартира и дача есть.*

Второй способ – вопрос о среднем уровне дохода каждого члена семьи респондента. Используется ФСИ и компанией ExtremeScan. В телефонных опросах ФСИ этот вопрос задаётся в такой формулировке:

Укажите, пожалуйста, хотя бы приблизительно, какой ежемесячный доход в среднем приходится на каждого члена Вашей семьи?

(Варианты зачитываются только респондентам, которые затрудняются дать ответ без них. В случае необходимости интервьюеры по-

ясняют респонденту, что для расчёта среднего ежемесячного дохода на каждого члена семьи нужно сложить все доходы семьи респондента и разделить на количество её членов.)

1) 12 000 руб. и менее;

2) 12 001–30 000 руб.;

3) 30 001–70 000 руб.;

4) свыше 70 000 руб.;

98) затрудняюсь ответить (не зачитывается респонденту);

99) отказ (не зачитывается респонденту).

Преимущества: простота, краткость и лёгкость для восприятия. По данным всероссийского опроса, длина этого вопроса составила всего лишь 26,4 сек. (САТИ, N = 1000, РФ, февраль 2024). Недостатки: 1) не учитываются расходы («лишения»); 2) на респондентов возлагается дополнительная нагрузка по расчёту среднего дохода на члена семьи; 3) вопрос довольно сенситивен, поскольку запрашивает денежные суммы, в результате чего в среднем доля отказов, по данным опросов ФСИ, выросла с 7 до 12% при переходе от вопроса о потребительских статусах на вопрос о сумме доходов на каждого члена семьи.

Третий способ – вопрос о самооценке материального положения. Используется ВЦИОМ в такой формулировке:

Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи – Вас и Ваших родственников, постоянно проживающих вместе с Вами?

1) очень хорошее;

2) хорошее;

3) среднее;

4) плохое;

5) очень плохое;

99) затрудняюсь ответить/отказ (не зачитывается респонденту).

Преимущества: низкая сенситивность, возможность измерять доходы в сочетании с расходами, краткость, простота и понятность. Но есть и принципиальные недостатки. Во-первых, это наибольший субъективизм оценки своего финансового положения, которая показывает, скорее, не реальный достаток, а его сочетание с уровнем притязаний. Во-вторых, это влияние регрессии к среднему в сочетании с психологическим дискомфортом от признания своего финансового положения «плохим», что может вызывать систематические смещения ответов от «плохого» материального положения к «среднему» [3].

Род занятий. Измеряется для того, чтобы выявить различия распространённости признаков основной анкеты между занятыми в частном и государственном секторах экономики, между работающими и неработающими, предпринимателями и наёмными работниками. Формулировка схожая у многих исследовательских компаний, приведём ту, которая используется в опросах ФСИ:

Какой основной род занятий у Вас в настоящее время?

1) *неработающий пенсионер, в том числе по инвалидности;*

2) *учащийся, студент;*

3) *временно не работаю, безработный;*

4) *занят домашним хозяйством, нахожусь в декретном отпуске;*

5) *работаю на государственном предприятии, в учреждении;*

6) *работаю по найму в частном предприятии;*

7) *собственник частного предприятия, предприниматель;*

8) *самозанятый, фермер;*

9) *сотрудник силовых ведомств;*

98) *другое (укажите, что) (не зачитывается респонденту);*

99) *отказ (не зачитывается респонденту).*

Прекращение зачитывать варианты тем респондентам, кто дал соответствующий им ответ на вопрос, не дожидаясь, пока интервьюер закончит читать их, позволило сократить среднее время на задавание этого вопроса до умеренных 38,7 сек. в среднем по данным телефонного опроса ФСИ (САТИ, N = 1005, РФ, февраль 2024). При зачитывании вариантов ответов на вопрос уходило больше 50 сек.

Однако другие проблемы этого вопроса ещё ждут своего решения. Во-первых, остаётся неясным, как разделить работающих в государственном и частном секторах экономики. В России госкорпорации и компании с государственным участием являются одними из крупнейших работодателей, и возникает вопрос – к какому сектору относить их сотрудников? РЖД, Газпром, Роснефть, Росатом и т.п. – это государственная или частная экономика? Вероятно, следует добавить в список вариант «сотрудник госкорпораций». Но и это не решает проблему полностью, поскольку многие произвольно трактуют статус таких организаций, особенно в условиях, когда компания изменяла свой статус. Пример тому – некогда частный Автоваз,

полностью перешедший в государственную собственность, даже работники которого, по данным телефонного опроса жителей Тольятти (САТИ, N = 1000, август 2023), сами путались в статусе своего работодателя. Кроме того, многие компании, будучи формально частными, в качестве основного или единственного заказчика имеют государственные организации или корпорации – можно ли такие компании считать частными? По правовому статусу – да, но по уровню зависимости от государства, связи с властями, отношениям в трудовых коллективах и социальному профилю сотрудников – едва ли. Прослушивание интервью показывает, что многие занятые в таких компаниях работники или выбирают произвольные ответы, или демонстрируют затруднение (*я не знаю, частная или государственная у нас компания*), или прямо переспрашивают интервьюеров (*а если частная компания, но только с государством работаем, это куда подходит?; у нас как бы НКО, но мы с администрацией работаем, можно сказать, как бюджетники, но мы не бюджетник*). Во-вторых, довольно острой остаётся проблема неформальной занятости и прекаризации труда: многие россияне, особенно в депрессивных регионах, работают неформально, непостоянно, ездят на заработки «вахтовым методом», занимаются сезонными работами, заняты в нескольких местах и затрудняются с приоритетом, не знают статуса своей организации и т.п. Совокупность перечисленных факторов создаёт ситуацию, когда принадлежность к сектору экономики становится спорной для значительного числа занятых россиян. Хуже того, точное это число остаётся неизвестным.

Регион проживания респондента. В опросах ФСИ вопрос про регион задаётся обычно в такой формулировке (у других компаний формулировки отличаются не сильно):

Если Вы гражданин России, то в какой области, крае или республике Вы проживаете постоянно последние полгода?

Далее даётся список всех российских регионов и инструкция для интервьюера: если респондент говорит, что не живёт постоянно в одном регионе, спросите у него: *Тогда назовите регион, в котором за последние полгода Вы провели больше всего времени*. И далее отмечается этот регион. С данным вопросом есть две проблемы. Во-первых, работающие вахтовым методом россияне могут больше времени проводить не в своём родном регионе, а в регионе,

где они работают. В такой ситуации решением может показаться вопрос про регион, который респондент сам считает родным для себя, но этот вариант ещё хуже, поскольку уехавшие из места своего рождения россияне могут называть не тот регион, в который они переехали, а тот, где родились, а вопрос направлен на выявление места постоянного проживания. При этом число живущих и работающих в разных регионах россиян значительно. Объём только маятниковой миграции ещё в 2021 г. составлял 8% от всего занятого населения России [4]. Доля работающих вахтовым методом в последние годы увеличилась: об этом свидетельствуют исследования НН.ru, согласно которым в 2024 г. число вахтовых вакансий выросло на 74%, и 68% соискателей работы готовы работать в таком режиме¹. Во-вторых, конструкция *в какой области, крае или республике* довольно сложна для произнесения и восприятия на слух. Однако замена её вопросом *в каком регионе?* вызывает довольно частые затруднения у респондентов, в особенности у проживающих в географически удалённых от центра страны регионах и имеющих невысокий уровень образования. Среди них популярны ответы: *в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке* и т.п. То есть они воспринимают регион как общее название части страны, а не как субъект Федерации, что вынудило отказаться от вопросной формы с использованием слова «регион».

Сложнее обстоит дело с **выявлением типа населённого пункта**. Получить классическую шкалу типов населённого пункта (*Москва, Санкт-Петербург, города с населением 500 000 человек или больше, города с населением от 100 000 до 500 000 человек, города с населением менее 100 000 человек, пгт и сёла*) прямым вопросом – не лучшее решение: люди могут путать размеры своего города. Решением ФСИ стало использование перечней названий: 1) всех городов и 2) всех муниципальных районов России. Все эти названия запрограммированы в системе дозвона разделёнными по регионам. В результате респондент сначала отвечает на вопрос о регионе проживания (в

¹ Больше половины россиян заявили о готовности работать вахтовым методом // Известия. URL: <https://iz.ru/1552829/2023-08-02/bolshe-poloviny-rossiian-zaiavili-o-gotovnosti-rabotat-vakhtovym-metodom> (дата обращения: 15.10.2024); Крепкая нехватка: в России резко вырос спрос на вахтовиков // Известия. URL: <https://iz.ru/1663420/anna-kaledina-evgenii-grachev/krepkaia-nekhvatka-v-rossii-rezko-vyros-spros-na-vakhtovikov> (дата обращения: 15.10.2024).

начальной части анкеты в блоке скрининга), затем (уже в завершающей части анкеты, в блоке социально-демографических вопросов) ему выпадает вопрос о типе населённого пункта: *Вы проживаете в городе, посёлке городского типа или селе?* с вариантами: 1) город, 2) посёлок городского типа, 3) село, деревня. Далее жителям городов задаётся вопрос: *В каком городе Вы живёте?* с перечнем всех городов, входящих в регион проживания респондента, а жителям сёл и пгт вместо него предлагается вопрос: *В каком районе Вы живёте?* с перечнем всех муниципальных районов из региона проживания респондента. Запрограммированная строка поиска помогает интервьюеру быстро найти нужный город или муниципальный район. Тип же населённого пункта программа кодирует автоматически, исходя из данных официальной статистики о размерах городов РФ (жители пгт и сёл автоматически кодируются в соответствующих вариантах шкалы типа населённого пункта).

Такое техническое решение позволило получать объективные данные о типе населённого пункта проживания респондентов. Однако и оно не идеально, поскольку вопросы о названии города и в особенности муниципального района способны вызвать обоснованные сомнения респондентов-сельчан в конфиденциальности опроса, особенно если тема опроса чувствительна (как правило, это опросы, содержащие вопросы о политике). Хотя, по данным двух проведённых ФСИ всероссийских опросов в феврале (САТИ, РФ, N = 1005) и в мае (САТИ, РФ, N = 1558) 2024 г., содержащих политические вопросы, доли отказов отвечать на вопросы о городе и муниципальном районе составили менее 2%, выборочное прослушивание интервью показывает, что некоторые респонденты отвечают на эти вопросы неохотно, чувствуя дискомфорт: задают вопросы вроде *зачем вам знать, где я живу?* или *а зачем это надо?*, отвечают с неуверенной интонацией, перед ответом возникают паузы. Хотя на результаты конкретных опросов это повлиять не могло, дискомфорт респондентов от опроса может сформировать у них негативное отношение к опросам общественного мнения и снизить их мотивацию участвовать в подобных исследованиях в будущем.

Уровень образования. Измеряется стандартной вопросной шкалой. У ФСИ она выглядит так:

Какое у вас образование?

1) *неполное среднее (9 классов и ниже);*

2) *среднее общее;*

3) *среднее специальное;*

4) *незаконченное высшее: 3 или 4 курса вуза без диплома о высшем образовании;*

5) *высшее;*

98) *затрудняюсь ответить (не зачитывается респонденту);*

99) *отказ от ответа (не зачитывается респонденту).*

Отказ от зачитывания вариантов всем респондентам (они зачитываются только тем, у кого возникают трудности или чьи ответы не попадают в шкалу предлагаемых вариантов, причём зачитываются только те варианты, относительно которых возникают сомнения: например, при ответе «среднее» интервьюер уточняет: *у Вас неполное среднее, среднее общее или среднее специальное образование*) позволил сократить время на этот вопрос в среднем с 24 с (САТИ, N = 1602, РФ, август 2022) до 15 с (САТИ, N = 1005, РФ, февраль 2024).

Вопрос об образовании предполагает имплицитное измерение интеллектуального и культурного капитала, дифференцирующего убеждения, способы получения информации и повседневные практики респондентов. Однако в настоящее время в условиях низкой селективности высшего образования в России [5] вопрос об образовании, как правило, является довольно слабым дифференцирующим фактором. Носители разных уровней среднего образования почти не отличаются между собой за исключением обладателей неполного среднего образования, которые концентрируются в наиболее социально депривированных группах (однако их доля стабильно слишком мала для подробного социологического описания – она колеблется в диапазоне 4–6%). Поэтому при анализе результатов опросов чаще всего объединяют группы по уровню образования, оставляя две основные: с высшим и без высшего образования. Однако и наличие высшего образования в недостаточной степени показывает различия в образованности как целокупности интеллектуального и культурного капитала: эрудиции, практиках потребления информации, стилях жизни и т.д. Значительно сильнее наличие высшего образования связано с уровнем финансового и образовательного капитала семьи: по данным исследования ВШЭ, дети более образованных и финансово обеспеченных родителей почти

вдвое чаще получают высшее образование, чем те, кому не повезло иметь в семье такой капитал [6]. Иными словами, дети более состоятельных и образованных родителей так или иначе получают высшее образование, даже при недостатке мотивации и учебной успеваемости: платное образование к их услугам, в особенности с учётом того, что в низкоселективных вузах проходные баллы ЕГЭ на места с оплатой обучения лишь слегка превышают те, что необходимы для преодоления минимального порога удовлетворительной оценки. Авторы доклада ВШЭ пришли к неутешительному выводу, что «увеличение количества мест в вузах не привело к уравниванию возможностей получить качественное высшее образование» [7, с. 51]. Слишком большое неравенство по качеству образования выпускников высокоселективных и низкоселективных вузов ставит под сомнение возможность объединить их в одну группу по уровню образования.

Анализ использования основных вопросов социально-демографического блока в массовых телефонных опросах показывает, что их составление в том виде, который способен отражать принципиальные различия между респондентами по социально-демографическим признакам, сопряжено с рядом значительных методических трудностей. Их преодоление требует дополнительных методических исследований. Нерелексивное же использование стандартных вопросных форм от опроса к опросу приводит к утрате различительной способности у вопросов, призванных быть основными дифференцирующими факторами. Проведённая нами методическая работа позволила предложить варианты решения некоторых проблем. Одна-

ко удовлетворительного решения оставшихся трудностей найти пока не получается. Поэтому остаётся продолжать выслушивать интервью, измерять длительность ответов на вопросы, реакции респондентов, распределять их ответы и призвать к той же работе коллег по опросной индустрии.

Список литературы

1. Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя : аналитический доклад / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : ИС РАН, 2013. 168 с.
2. *Рогозин Д., Мануильская К., Климов И.* Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 103–115. EDN: TKYUCJ
3. *Ходыкин А. В.* Трудности измерения уровня дохода респондентов в массовых телефонных опросах // Наука XXI века: актуальные направления развития : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Самара, 23 сентября 2024 г.). Самара : Изд-во СГЭУ, 2024. Вып. 2, ч. 1. С. 81–85.
4. *Соколова А. А.* Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 52–70. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4>
5. *Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. М.* Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83–109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>
6. *Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А.* Образовательные переходы в России: социально-экономическое положение семьи и успеваемость. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 24 с. (Факты образования № 5 (20)).
7. *Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю.* Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 78 с. (Современная аналитика образования № 7 (67)).

Поступила в редакцию 03.11.2024; одобрена после рецензирования 03.12.2024;
принята к публикации 03.12.2024; опубликована 28.02.2025
The article was submitted 03.11.2024; approved after reviewing 03.12.2024;
accepted for publication 03.12.2024; published 28.02.2025